

■ ■ ■ Специфика конфликтогенов в художественном дискурсе (на материале романа В. Сорокина «Теллурия»)¹

Половинкина О.С.

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

Аннотация. Русская культура всегда была литературоцентрична. Обращение к художественному тексту как способу познания себя и общества остается частью воспитательного и образовательного процесса. Социальные конфликты находят отражение в российской прозе. Статья посвящена исследованию понятия конфликта и специфики его реализации в художественном дискурсе на примере романа В.Г. Сорокина «Теллурия». Полагаем, что зарождение конфликта происходит в той точке, когда один из субъектов лишает другого субъектности и начинает навязывать свою точку зрения. Отличительной чертой конфликтов подобного рода дискурса является наличие дополнительных фигур в коммуникации – авторской и читательской. Кроме того, благодаря ахроничности по отношению к реальному времени художественные тексты более долговечны и устойчивы к изменяющейся повестке, а также способны влиять на реальность даже по прошествии времени. Немногие современные российские авторы описывают современные реалии и пытаются их осмыслить. Сорокин – один из самых известных и влиятельных писателей современной России, которого знают далеко за ее пределами. Некоторая фантастичность сюжетов Сорокина на дальнем расстоянии оказывается довольно точна в постановке диагноза современности. В статье рассматриваются лексические единицы, способные стать абсолютными конфликтогенами. Все они относятся к субъекту, его признаку или деятельности. В художественном тексте конфликтогенами могут стать и нейтральные слова: на это влияет контекст. Исследование конфликтов в разных дискурсах позволит вычлнить общую конфликтогенную лексику, характерную для русского культурного поля.

Ключевые слова: художественный дискурс, конфликтогенная лексика, язык вражды, конфликт в литературе, современная российская проза, Теллурия

Для цитирования: Половинкина О.С. Специфика конфликтогенов в художественном дискурсе (на материале романа В. Сорокина «Теллурия») // Коммуникология. 2023. Том 11. № 4. С. 82-99. DOI 10.21453/2311-3065-2023-11-4-82-99.

Сведения об авторе: Половинкина Ольга Сергеевна – преподаватель, Южный федеральный университет. Адрес: 344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42. E-mail: opolovinkina@sfedu.ru. ORCID: 0009-0005-0232-1734.

Статья поступила в редакцию: 11.10.2023. *Принята к печати:* 01.12.2023.

¹ Словарь конфликтолога [эл. ресурс]: <https://slovar-konfliktologa.slovaronline.com/514-конфликт> (дата обращения: 25.02.2023).

Введение. Современная коммуникация в различных ее проявлениях, как представляется, выглядит пространством конфликтным: нарушение речевых, этикетных, статусных, поведенческих норм влекут за собой конфликт в общении, о чем говорят лингвоконфликтологи, например М.А. Кронгауз и Е.С. Кара-Мурза [Кронгауз; Кара-Мурза]. Истоки этого процесса, по-видимому, произрастают не сколько из злонамеренности, необразованности, языковой нечувствительности коммуникантов (что также имеет место быть), а из того, что устоявшиеся нормы перестают удовлетворять группы людей, в то время как нормы новые еще не выработались в достаточной мере и не закрепились в качестве таковых. Кроме того, в цифровую эпоху коммуникация стала гораздо прозрачней: любой конфликт, происходящий в публичном пространстве или вынесенный на публику, практически моментально становится достоянием общественности. Часто конфликтное, агрессивное поведение как бы «предписывается» современному поколению, однако оно может быть обусловлено социально-психологическими эффектами СМИ [см., например, Дзялошинский]. Влияние характеристик медиасреды на формирование конфликтов между участниками информационного обмена также находит отражение в целом ряде работ, посвященных экологии медиапространства как пространства социального взаимодействия [см., например: Глущенко и др; Шарков и др.; Шарков, Кириллина; Кириллина]

Пространство художественной литературы является частью коммуникативного пространства, включено в него, а, значит, в исследовательском плане представляет интерес к осмыслению авторского наблюдения над современными реалиями и переосмыслением в художественной форме. Как пишет И.В. Кондаков в статье «По ту сторону слова. Кризис литературоцентризма в России XX-XXI веков» [Кондаков], литература находится на стыке искусства и идеологии, одновременно и объединяя эти понятия и противопоставляя. Существовая как диалог двух культурно-семантически, идеологически, контекстуально, прагматически разных словесностей (художественной речи, включенной в литературу и язык внелитературной культуры и общественной жизни), русская литература показывает, что при всех разногласиях этих двух языков возможно не только их взаимопонимание, но и вербальное взаимопроникновение.

Для русской культуры всегда был характерен литературоцентризм: русский читатель продолжает ждать от художественного текста некоего урока, объяснения, подсказки, что делать дальше и как нужно жить, а если текст абсурден, непонятен и неприменим в реальной жизни, то с точки зрения неискушенного читателя это плохой текст.

Материал и методы. Термин «конфликт» многомерен и междисциплинарен и в настоящий момент вышел за пределы своей первоначальной области изучения. Интуитивно понимая, что такое конфликт, исследователи из разных областей научного знания вкладывают свои акценты в интерпретацию термина. Ана-

лиз языковых конфликтов предполагает выявление образцов и моделей, которые проявляются в разных видах дискурса. Но, если в других видах дискурса (таких как блогосфера, публицистика, социальные сети) проявление языковой вражды сиюминутно по отношению к возникшей конфликтной ситуации, то в дискурс художественной прозы оно попадает не сразу, а только пройдя авторскую переработку. Сложность представляет и выбор литературного текста, в котором отражались бы современные реалии.

Рукопись является частью исследования в рамках реализации проекта Программы стратегического академического лидерства («Приоритет 2030»), поставленного перед Южный федеральным университетом и другими ведущими университетами страны, результатом работы над которым должна стать стратегия формирования когерентной среды.

В рукописи представлены результаты анализа конфликтов в произведениях художественной прозы на примере романа «Теллурия»¹ и выделение их особенностей по отношению к другим разновидностям дискурса. Так как само произведение представлено текстом, состоящим из слов, для нас важным будет вычленить лексику, которая имеет потенциал вызвать конфликты, и проанализировать ее. Методом выборки в ходе проведенного исследования нами было выделено 309 лексических единиц, которые могут стать конфликтогенами, проведена их классификация, затем с помощью интерпретационного метода и метода сопоставления со схемой анализа дискурса, разработанного коллегами, выделены особенности литературного дискурса.

Результаты исследования. Словари определяют конфликт как наиболее острое противоречие и столкновение противоположностей (интересов, целей, позиций, мнений, взглядов или самих оппонентов) в результате взаимодействия². Сложности с определением конфликта, как справедливо указано в «Большом психологическом словаре»³ связаны, с одной стороны, с различиями дисциплин, его изучающих, а с другой с разнообразием самих конфликтов.

В «Словаре конфликтолога» подчеркивается, что деструктивность конфликта выливается и в его завершительную фазу. В то же время другие ученые, прежде всего западные, занимающиеся исследованиями конфликтов, говорят не только о деструктивной стороне конфликта, но и о позитивной стороне, при которой появляются возможности конструктивного разрешения противоречий [Гришина: 51-52]. Например, Дж. Гараедаги в «Системном мышлении» рассуждает о боль-

¹ Сорокин В.Г. (2013). Теллурия. Москва: АСТ; CORPUS.

² Словарь конфликтолога [эл. ресурс]: <https://slovar-konfliktologa.slovaronline.com/514-конфликт> (дата обращения: 25.02.2023).

³ Большой психологический словарь [эл. ресурс]: <https://spbguga.ru/files/03-5-01-005.pdf>. С. 213 (дата обращения: 01.03.2023).

шой вариативности результатов вместо традиционной дихотомии «выиграл / проиграл» [Гараедаги: 109-114]. Такое уточнение показывает, что в конфликте существует возможность перенаправить его, сделав менее взрывоопасным, погасить его отрицательный потенциал и направить в конструктивное русло. В самом деле: когда говорят о конфликте, предполагается, что есть некая правда у одной стороны и неправда у другой. Если же взять за точку отсчета, что каждая сторона имеет свою собственную правду (т.е. абсолютной правды не существует или если и существует, то надконфликтно), то мы получим поле для переговоров с каждой из сторон.

В связи с этим в настоящем исследовании со ссылкой на «Большой психологический словарь» и «Психологию конфликта» Н.В. Гришиной [Гришина: 26-27], конфликт будет трактоваться как противостояние по меньшей мере двух субъектов, проявляющееся в активности сторон в выражении своей позиции и направленное на преодоление противоречий.

Полагаем, что столкновение в конфликте стоит понимать не просто как противостояние полярных точек зрения без пересечения границ и демаркационных линий, но их пересечение, и даже наложение друг на друга, так как именно из-за захода противоборствующих сторон на «чужую территорию», возможно появление ответной реакции, которая оказывается взаимно недоброжелательной. Иными словами, можно сказать, что суть конфликта есть лишение другого субъекта субъектности: я «навязываю» тебе свое представление о тебе, которое не соответствует твоему собственному представлению о тебе.

Сложность в понимании представляет и понятие «конфликтоген». Оно имеет достаточно размытое представление и широкую трактовку: это слово, которое несет в себе потенциал вызвать конфликтную ситуацию, имеющее в себе порождающее начало раздора. Знакомство с научными материалами и диссертациями [Белозерова; Куликова; Макаренко; Хроменков 2016], позволяет описать круг возможных абсолютных лексических вербальных конфликтогенов (то есть, тех, которые всегда потенциально конфликтны вне зависимости от контекста): это лексика с негативной коннотацией, сленговая, обценная, сниженная, жаргонная, эмоционально-экспрессивная лексика, агнонимы, пейоративы, этнофолизмы, инвективы, авторские неологизмы со снижено-негативным оттенком, императивы, использование глагольных форм второго лица единственного числа вместо множественного. Из этих данных видно, что конфликтогены связаны с переходом чужой границы: если потенциальный адресат сообщения воспринимает эту информацию, как заход на его приватную территорию, если он психологически чувствителен к комментариям или непрошенной оценке другого, может возникнуть конфликт.

Взгляд на современную отечественную прозу дает понять, что авторы в подавляющем большинстве склоны к осмыслению событий прошлого: средневековые, революционные годы, советский период. Тематические издания, специализирующиеся на книжных изданиях, образовательном и развлекательном кон-

тенте: «Полка»¹, «Теории и практики»², блог Storyport³ и Ridero⁴, журнал Собака.ru⁵ – тому подтверждение. Это, по-видимому, является симптоматичным: авторы ищут первопричины современности, осмыслиют травматический опыт предыдущих лет. Кроме взгляда в прошлое авторы устремились в будущее: в первое десятилетие XXI века появилось много антиутопий. Так, А.Д. Степанов [Степанов] отмечает, что бум на антиутопические произведения – новая тенденция для русской литературы нового века – при этом связана она с происходившими в России социальными сдвигами в общественной структуре. Немногие авторы пытаются описать события сегодняшних дней, хотя прошла почти четверть века. Как пишет А.Д. Степанов, те сценарии, в которых предвиделось усиление автократии и шло возвращение к архаическим тенденциям, оказались устойчивыми. Стоит отметить, что часть тех предсказаний действительно стала частью российской реальности в 2023 году.

Важной фигурой в русской литературе почти все без исключения литературные критики и литературоведы называют Владимира Сорокина. Слова литературного обозревателя Н.Ю. Ломыкиной как нельзя лучше иллюстрируют это утверждение: «Совершенно очевидно, что если из всего списка современных русских писателей надо будет оставить одно имя, то останется Владимир Сорокин, как бы кто ни относился к его текстам»⁶. Каждый его выходящий текст до сих пор остается под пристальным вниманием литературной общественности.

Фигура создателя художественного произведения, на наш взгляд, имеет влияние на вкладываемые смыслы: автор может, как осознанно, так и неосознанно транслировать свои установки в ткани текста. Здесь нельзя не согласиться с точкой зрения М.М. Бахтина, писавшего, что: «Автора нельзя отделять от образов и персонажей, так как он входит в состав этих образов

¹ 100 главных русских книг XXI века [эл. ресурс]: <https://polka.academy/materials/748> (дата обращения: 07.05.2023).

² Карась Л. Современная русская литература, которую стоит прочитать // Теории и практики [эл. ресурс]: <https://theoryandpractice.ru/posts/19070-sovremennaya-russkaya-literatura-kotoruyu-stoit-prochitat> (дата обращения: 07.05.2023).

³ Ломыкина Н.Ю. 10 современных российских романов, без которых трудно представить отечественную литературу. Часть 1 [эл. ресурс]: <https://storyport.online/vybrat-sovremennuyu-knigu/10-sovremennykh-rossiyskikh-romanov-chast-1/> (дата обращения: 1.05.2023).

⁴ Мильчин К.А. Тенденции в современной русской прозе // Ridero [эл. ресурс]: <https://ridero.ru/blog/?p=5683> (дата обращения: 07.05.2023).

⁵ Гладких Д. Лучшей книгой десятилетия в России стал роман Владимира Сорокина [эл. ресурс]: <https://www.sobaka.ru/rnd/entertainment/books/102877> (дата обращения: 09.03.2023).

⁶ Ломыкина Н.Ю. 10 современных российских романов, без которых трудно представить отечественную литературу. Часть 2 [эл. ресурс]: <https://storyport.online/vybrat-sovremennuyu-knigu/10-sovremennykh-rossiyskikh-romanov-chast-2/> (дата обращения: 1.05.2023).

как их неотъемлемая часть (образы двуедины и иногда двуголосы)» [Бахтин]. Однако при всем своем сращении с персонажами текста, автор-создатель всегда находится в позиции над текстом. И даже в бартовском смысле, принимая во внимание идею, что автор – это всего лишь субъект речи, а не личность и не творец, через автора как через рупор идет трансляция неких идей, суммой которых и является сам автор [Барт].

Имя Сорокина появилось на литературной арене в конце 70-х годов прошлого века: он был андерграундным писателем в своей стране, однако активно переводился и печатался за рубежом. С самых ранних работ магистральной линией его творчества стало рассмотрение отношений идеологического дискурса (власти, прежде всего, советской, в разных ее проявлениях) и личности. С.В. Панов¹ отмечает, что «Сорокин критически переосмысляет снятие этических запретов, проявления частного и коллективного насилия, характерные для нового общества потребления в его ритуалах поклонения безличному абсолюту». Несмотря на то, что в интервью, рассказывая о себе, писатель сравнивает себя с неким медиумом – машиной, просто пишущей на бумаге – «Я не предсказываю в своих книгах, я принимаю некие волны. То есть я пользуюсь некой внутренней антенной»², в которой больше интуиции, чем опыта, из других его ответов в том же интервью Тимуру Олевскому видно, что полученный изначально опыт насилия стал для него основным творческого пути. Сорокин утверждает, что опыт проживания в тоталитарном советском государстве и регулярное столкновение с жестокостью и насилием, продолжают преследовать постсоветского человека.

Для творчества Сорокина уже с ранних рассказов и первых крупных форм и до последних произведений основополагающей становится работа с речью и языком, идиомами, метафорами и дискурсами – на это обращают внимание в своих публикациях, в частности, И.А. Калинин и М.Н. Липовецкий [Калинин; Липовецкий]. Зафиксируем здесь, что Владимир Сорокин начал свой творческий писательский путь в оппозиции к советской власти, вскрывая противоречия советского дискурса и стирая их, доводя до абсурда, переизобретая клише, вкладывая в них новый смысл.

Любопытно, что сорокинские тексты становятся объектом политических акций (например, акции провластной организации «Идущие вместе» в 2002 и 2005 годах³), выходя далеко за рамки книжного текста, и сами становятся зажигательной смесью, вызывая жаркие споры и битвы о нормах допустимости в художественном произведении.

¹ Панов С.В. Сорокин Владимир Георгиевич // Большая российская энциклопедия 2004–2017 [эл. ресурс]: <https://bre.mkrf.ru/literature/text/3637708> (дата обращения: 20.04.2023).

² Олевский Т. «В России палач и жертва превратились в кентавра, их трудно разделить». Интервью Владимира Сорокина. Настоящее время. URL: <https://www.currenttime.tv/a/29515088.html> (дата обращения: 20.04.2023).

³ Демидов В. Нервные импульсы народных бронтозавров. URL: <https://srkn.ru/criticism/nervnye-impulsy-narodnykh-brontozavrov.html> (дата обращения: 24.04.2023).

Мнение о том, что Сорокин является не только блестящим стилистом, но и провидцем, весьма распространено у журналистов, прозаиков, литературных критиков и деятелей культуры^{1,2,3,4}. Действительно, он как призма собирает все лучи нашей действительности, чтобы затем отразить их в своих мирах. А.Д. Степанов пишет, что, по сути, антиутопические произведения Сорокина – это гиперболизация современной реальности, а не просто ее фантастическое осмысление [Степанов]. Начав разрабатывать тему отгораживания России от остальных стран в «Дне опричника», Сорокин доводит ее до логического завершения (распада страны) в «Теллурии». Используя элементы различных дискурсов (советской пропаганды, советской публицистики, художественной прозы, риторики российской власти 2000-х годов и СМИ) как кубики для построения своих произведений, писатель создает новый дискурс; и уже готовый роман начинает жить собственной жизнью, порождая новые смыслы, которые кажутся гротескной пародией на реальность, переключаются в реальность, подхваченные журналистами, литературными критиками и т.п.

Обсуждение. «Теллурия» – десятый роман Сорокина. На основе этого текста рассмотрена лексика, которая потенциально может вызвать конфликт, и проанализированы особенности реализации конфликтов в литературном дискурсе.

Лексика становится конфликтогенной в контексте, что будет видно из примеров далее, поэтому рамках исследования учитывались слова, которые можно назвать конфликтогенами абсолютными: и вне контекста они имеют негативный оттенок. Среди них можно выделить четыре основные группы, в зависимости от того, что они описывают: (1) активное действующее лицо (субъект – 47 ед.); (2) пассивное лицо (субъект – 12 ед.); (3) действие (акция – 43 ед.) и (4) характеристика (адъектив – 23 ед.). Морфологически эта пропорция выглядит так: существительные – 60,5 %, прилагательные – 16 %, глаголы – 23,3 %. Такой расклад позиций кажется вполне закономерным, так как во главу угла любой конфликтной ситуации всегда ложится некое лицо, которое может быть охарактеризовано как активный деятель или пассивный ожидающий; далее идет характеристика его действия (с помощью глагола или отглагольного существительного) или характеристика его сущности (с помощью прилагательного).

¹ Иткин В. «Теллурия»: гвоздь в голове Владимира Сорокина. URL: <https://srkn.ru/criticism/telluriya-gvozd-v-golove-vladimira-sorokina.html> (дата обращения: 14.04.2023).

² Латынина А.Н. Crazy quilt Владимира Сорокина. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2014/3/srazy-quilt-vladimira-sorokina.html (дата обращения: 14.03.2023).

³ Наринская А.А. Неумолимый пророк [Электронный ресурс] / А. Наринская. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2320979> (дата обращения: 09.03.2023).

⁴ Пронин А. Марат Гацалов: «Сорокин — удивительный провидец. URL: <https://www.colta.ru/articles/theatre/4800-marat-gatsalov-sorokin-udivitelnyy-providets> (дата обращения: 14.03.2023).

Конфликтоген в номинации возникает тогда, когда адресант коммуникативно-го акта к адресату, и апеллирует к одной из характеристик:

- антиобщественный облик (88 лексических единиц) – самая обширная группа. По-видимому, в дискурсе власти быть антисоциальным элементом гораздо опаснее (прежде всего для самой власти и для тех, кого власть взяла под свою опеку и чьи волю она должна выражать), чем принадлежать к какой-либо другой категории. Слова-конфликтогены этой группы подчеркивают, что активный деятель выступает не просто, как отрицательное лицо для конкретного адресанта послания, но отрицательное лицо в квадрате, способное причинить вред окружающей среде, власти, государству, а потому этот маркера является наиболее ярким и количественно преобладающим.

- аморальный облик (9 лексических единиц) – по-видимому, отношение к морали не является таким ярким признаком для подрыва государственности, однако этих конфликтогенов достаточно для построения дихотомии «благочестивые мы» / «нечистые они»: присоединяться нужно к тем, кто морально чист, а кто нечист будет призраем, порицаем и исключаем из общества;

- лишенный сознания и (или) свободы (10 лексич. единиц) – указание на этот недостаток у оппонента лишает его свободной воли выражения, которая есть у каждого человека;

- указание на национальную принадлежность (7 лексич. единиц) – национальность при этом названа через негативную характеристику, т.е. отображает покровительственную, уничижительную установку адресанта послания;

- литературный / культурный общепризнанный антагонист (7 лексич. единиц) – эта группа лексики обращается к культурологическому уровню образования, связана с вредительством и злокозненностью существа (*упырь* – кровопийца, *Молох* – божество, требующее кровавых жертв, *Саурон* – главный отрицательный персонаж саги «Властелин колец», *шайтан* – в мусульманстве демон, приносящий вред). Вредители здесь подобраны довольно известные в широком культурном поле, однако этот набор все же предполагает владение хотя бы базовыми культурологическими знаниями;

- уподобление животному (9 лексических единиц). Каждое животное также несет в себе отрицательные признаки, будь то антиобщественный характер (*стервятник*, *волк*, *собака*) или аморальный (*гнида*) – с одной стороны. С другой стороны, эти образы понятны для большинства людей.

В дополнение к вышесказанному, можно добавить, что использование метафор паразита, животного, нечистой силы для описания образа врага, как отмечает Даниэль Вайс [Вайс 2007; 2008; 2009], является одной из ярчайших черт тоталитарной пропаганды XX века, и обращает на себя внимание, что Сорокин в своем романе их вновь ретранслирует и актуализирует.

Конфликтогены-адъективы, часто усиливают номинатив или превращают его в устойчивое словосочетание, ассоциирующиеся с негативом (смертью, обманом, неполноценностью, жесткостью, аморальностью): *недружественный*,

варварский, звериный, подковерная (работа), лютый (враг), лютая (ненависть), кровавые (щупальца), второй (сорт), двуногий (зверь), бешеная (собака), дьявольский, пушечное (мясо), античеловеческий, жестокий (режим), жестокая (война), сучий (сын), деспотический, бесчеловечный, усатый (вождь), Всевидящее (Око, отсылка к магическому предмету в саге «Властелин колец», помогающему отрицательному персонажу), сталинский (режим), быдлаяцкая (лебеда), пятая (колонна) – то есть предатели среди своих граждан, опричный (пес) – верный опричнине, жестокий. Вновь обращает на себя связь этих характеристик с антигуманистическими ценностями, выступающими против индивида, его жизни и свободы.

Конфликтоген в глагольных формах, часто стилистически сниженных:

- угроза безопасности или физической расправы, насильственное вторжение в границы тела другого человека (примеры: *зверствовать, замочить, отметить, прогнать, опустить, наехать, чистить, выпотрошить, притеснять*) – 8 единиц;

- угроза присвоения свободы другому себе, посягательство на право распоряжаться чем-то свободно, т.е. вторжение в область права и свободной воли другого человека (примеры: *напасть, узурпировать, прибирать, притеснять, навязать, отжать*) – 10 единиц;

- негативная оценка другого, игнорирование чувства другого (примеры: *скалить (зубы)*, т.е. показывать недружелюбное расположение, *ненавидеть/возненавидеть, скурвиться, проморгать*) – 9 единиц.

Глагольные формы отражают ту же картину, о которой мы сказали выше по отношению к прилагательным.

Коллегами в статье «О конфликтном дискурсе, лексических маркерах конфликтогенности и их когнитивно-прагматическом потенциале» были выделены следующие позиции дискурсивного анализа для выявления индекса конфликтной напряженности текста и выявления «лексических прагматических маркеров», определения их когнитивно-прагматического потенциала: «сферы участников коммуникации, их интерперсональная сфера общения, контекстуальная сфера прохождения общения, психическое и эмоциональное состояние коммуникантов; градуируемость, частотность и плотность» [Карповская и др.]. Используем эти данные при анализе художественного дискурса.

Начнем с участников коммуникации. Отличительной чертой художественной прозы, на наш взгляд, представляется тот факт, что помимо конфликтантов, участвующих в непосредственной ткани художественной реальности, у любого произведения есть сторонний наблюдатель конфликта – читатель, который также является внешним оценщиком, а с другой стороны и дешифровщиком заложенной информации. То есть у литературного произведения есть две границы восприятия: внутри- и внетекстовая в виде внешнего адресата, который находится на надуровне по отношению к описываемым событиям в тексте и имеет пространство для собственных интерпретаций. Интерпретирование зависит от его культурологической подготовки, знания исторических фактов, его психологических и эмоциональных установок.

Говоря об интерперсональной сфере, помимо всего перечисленного (отношения между коммуникантами, их мотивами, целями, ценностями, формой общения и т.п.), нужно добавить еще одно звено. Художественная проза – плод мыслительной деятельности автора-создателя. Поэтому на интерперсональную сферу будут накладываться авторские представления, установки, идеи и идеалы, на мотивацию и поведенческую модель персонажей в теле художественного произведения. Знакомство с биографией и творческим путем Владимира Сорокина позволяет предположить, что у автора есть отрицательное отношение к проявлениям тоталитаризма во власти и прежде всего к советскому пропагандистскому стилю.

«Теллурия» – роман, сотканный из многоголосья разных взглядов и идей, своеобразная идеологическая война «всех против всех». Те, кто знакомы с творчеством писателя и отслеживали его выходящие книги, знают, что «Теллурия» является продолжением событий, которые описывались в «Дне опричника» и «Сахарном Кремле», то есть в романах можно проследить историю альтернативной России, развертывающуюся во времени, ее регресс. Роман «Теллурия» не имеет сквозных персонажей, каждая глава представляет собой законченную мини-историю. Сопоставив информацию в этих главах, читатель может сложить полную картину о той антиутопической реальности, которую предлагает автор-создатель. Благодаря художественной форме и умению Сорокина работать с малыми жанрами прозы (чему, безусловно, помог опыт работы над рассказами) конечному реципиенту не нужны дополнительные контекстуальные детали: внимательный читатель способен выстроить их по ходу прочитанного (например, в авторских ремарках). Кроме того, автор приобщает читателя к своей всеведущей внетекстовой позиции, поэтому читатель видит конфликтную ситуацию шире, чем непосредственные участники событий, контекстность создается всей тканью романа.

Примечательно на наш взгляд то, что в контексте даже нейтральные, лишённые какого-либо конфликтного потенциала слова могут приобретать негативный, иронически-издевательский окрас, как происходит со словом «философ», имеющим нейтральную коннотацию, и «господин пиит» – возвышенную соответственно.

В большой прозаической форме довольно трудно говорить о частотности и плотности лексических маркеров, так как конфликтогены рассеяны по всему художественному полотну, концентрируются в определенных точках и по большей части связаны с сюжетными коллизиями. В литературоведении «конфликт» существует как термин, обозначая противоборство, столкновение взглядов различных персонажей. Известно, что конфликт является двигателем литературного сюжета. Нам представляется, что проблема определения «конфликта» в литературных текстах еще более расширяется из-за наслаивания нескольких представлений конфликта из разных научных областей исследования.

Прозаическое произведение имеет тематику, общую идею всего текста, которой весь текст всецело подчиняется. В «Теллурии» таким общим местом становится война как перманентное состояние общества: многочисленные конфлик-

ты, возникающие на религиозной, национальной, территориальной, расовой почве (расы здесь ирреальные) – все это тяготит текст.

Проиллюстрируем вышеизложенное и обратим внимание на еще некоторые особенности конфликтов в художественной прозе.

Глава XXVI представляет собой агитационное объявление, имеющее конкретного адресата – неких граждан, поддерживающих прежнюю власть (*курсив – О.П.*): *«Православные! Товарищи! Граждане! Узурпатор, захвативший власть в родном Подольске, пьет вашу кровь. Как Молох восседает он на троне, безвременно покинутом светлым князем нашим Станиславом Борисовичем. Ноги узурпатора попирают спину трудового народа, руки его вцепились в княжий трон мертвой хваткой. Узурпатор окружен кровавыми опричниками, приведшими его к власти в результате тайного переворота. Токмо Бог един ведает, сколько крови православной пролили эти изверги рода человеческого, расчищая дорогу узурпатору. Руки этих зверей двуногих по локти в крови»*.¹ Отрывок текста демонстрирует, что новый правитель представлен, во-первых, как незаконный (узурпатор, который обманом захватил власть), во-вторых, на метафорическом уровне его действия и действия его соратников сравнивают с фольклорным вурдалаком, пьющим кровь, обескровливающих граждан (то есть, лишаящих не только свободы, но и жизни). Обращение к сверхъестественному также является одной из ярких черт тоталитарной пропаганды, что замечает Д.В. Питолин [Питолин]. Сравнение с Молохом дает отсылку к требованию новых человеческих жертв. Причем распознавание этого персонажа связано с библейским текстом, в «Теллурии» в целом довольно много околорелигиозной лексики. Несмотря на декларативность миролюбия многих, религиозные тексты обильны конфликтогенной лексикой, что довольно убедительно доказывает П.Н. Хроменков [Хроменков 2014], указывающий на важность оппозиции свой/пришлый, чистый/нечистый в сакральных текстах. Обилие религиозно насыщенной лексики в тексте «Теллурии», видимо, произрастает из двух предпосылок: во-первых, в романе заявлен религиозный конфликт, а во-вторых, в России религиозный дискурс начинает сражаться с дискурсом власти.

Прагматика приведенной выше цитаты одна: создать образ «врага», противопоставить «хороших нас» «плохим им», «расчеловечить» противника / оппонента, чтобы сделать его недостойным понимания или сострадания, договориться, прийти к консенсусу с ним невозможно в силу того, что он не человек.

Конфликт в рамках главы герметичен и замкнут, он заявлен, но продолжения глава не имеет, однако непосредственный реципиент художественного текста может сопоставлять разные главы и выстраивать цельное сюжетное полотно, развешивающееся перед ним на протяжении всего романа.

Еще примеры замкнутого конфликта найдем в главах VIII и XXI: одно и то же событие – конфликт на религиозной почве (одна глава полностью посвящена за-

¹ Сорокин В.Г. (2013). Теллурия. Москва: АСТ; CORPUS. С. 261.

щитникам христианства, другая – мусульманства) – рассматривается здесь из двух противоборствующих лагерей. Тем не менее, этот конфликт двигает сюжетную линию.

Глава VIII: «Айя! О старая Европа, колыбель лукавого человечества, оплот грешников и прелюбодеев, пристанище отступников и расхитителей, приют безбожников и содомитов. Гром джихада да сотрясет твои стены. Айя! О трусливые и лукавые мужи Европы, променявшие веру на рутину жизни, правду на ложь, а звезды небесные – на жалкие монеты. Да разбежитесь вы в страхе по улицам вашим, когда тень священного меча падет на вас».¹

Глава XXI: «Братья во Христе! Рыцари ордена! Враги христианского мира не уgomонились. Сокрушенные нами в Марселе, они отступили, обливаясь своей черной кровью. Но их ненависть к христианской Европе не иссякла. Избежавший плена Гази ибн Абдаллах снова собирает войско, чтобы напасть на нас. Как и прежде, враги тщатся поработить Европу, разрушить наши храмы, попать святыни, огнем и мечом навязать свою веру, установить свой жестокий режим, превратить европейцев в послушное стадо рабов. До сегодняшнего дня мы только отражали их удары. Но каждый раз они, разбитые воинами Христа, снова собирались с силами и шли на нас войной. Так стоит ли нам, защитникам веры Христовой, сидеть в ожидании нового нападения варваров? <...> Они не ждали нападения мусульман, а шли на восток, дабы защитить христианские святыни, дабы сокрушить варваров и осквернителей, дабы утвердить границы христианской цивилизации. Так последуем же их примеру!»²

Выстраивается дихотомия нехорошие «они» (указание на их аморальность, антинародность, демоничность), придерживающиеся ложных идей, и хорошие, невиновные «мы». Как видим и те, и другие обращаются к похожей лексике для дискредитации противника.

Конфликт в главе XXII задан некой ситуацией, начало которой читателю не показывают, но он способен ее реконструировать из диалога полемизирующих. Роман, комментируя действия Фомы, обвиняет его в безумстве, пустяковых ритуалах, заметно демонстрирует свое недовольство. В целом сдержанный диалог (участники обращаются к друг другу на «вы» и используют витиеватый стиль) дополняется описанием невербалики и паравербалики, которая сопровождает действия персонажей:

«Фома. Не надо смотреть на меня с такой ненавистью.

Роман (раздраженно). По вашей милости мы занимаемся бредовым ритуалом.

Фома. Это не ритуал, а процесс.

Роман. Это безумие. Ваше.

Фома. Досточтимый Роман Степанович, химические реакции еще никто не отменял.

¹ Сорокин В.Г. (2013). Теллурия. Москва: АСТ; CORPUS. С. 76.

² Там же. С. 199.

Роман. Демагогия! Вы самоутверждаетесь по пустякам.

Фома. Мир держится на порядке вещей.

Роман. Ваша риторика не заставит эту чертову воду закипеть.

Фома. Зато она хотя бы напомнит вам о терпеливости.

Роман (решительно тянется к рюкзаку). С меня довольно, черт возьми!

В конце концов, хватит заниматься символической чепухой...

Фома (предупредительно поднимает четырехпалую руку, покрытую гладкой черной шерстью, с серебряным перстнем на третьем пальце). Pacta sunt servanda, господин пиит. Настоятельно прошу вас не совершать непоправимого. Отказавшись от моего рецепта приготовления супа, вы не только лишитесь питательно-го блюда, но и глубоко раните меня.

Роман (с раздражением хватая рюкзак, кидает в ноги Фоме). Да делайте вы что хотите... (презрительно) Философ!»¹

Уточняющие описания в авторском комментарии, данном здесь как в ремарке пьесы, помогают читателю увидеть сцену конфликта более ярко. Роман проявляет не только вербальную агрессию, утверждая, что ритуал приготовления блюда Фомой абсурден, но и дополняется усиливающими действиями (раздражением и презрением в голосе, раздраженными манипуляциями с рюкзаком). Фома продолжает оставаться невозмутимым, но жестово (поднимает руку) усиливает свои реплики, видя, что собеседник не прислушивается к словам.

О потенциальных ситуативных конфликтогенах «господин пиит» и «философ» уже говорилось ранее.

Похожая ситуация складывается в глава IX. Указание на тон, с каким персонажи произносят фразы (угрюмо, зло-удивленно), резкие жесты (ткнул, шлепнула ладонью, хлопнул), недружелюбный взгляд (холодный и усталый), повышение голосовой громкости (выкрикнул) накаляют конфликт между персонажами. Однако конфликт продолжается и после острой фазы, уже без непосредственного участия главного его виновника.

« – Ни в чем она не виновата! – стоя у окна, почти выкрикнул Малахов, резко ткнув большим пальцем через плечо в сторону Кима. – Вот кто виноват! Во всем!

– Конечно я, конечно я-я-я! – почти пропел Ким, складывая крест-накрест руки на груди и придавая своему широкому загорелому лицу плаксивое выражение. – И договор с нижегородцами заключал я, и в Тулу ездил я, и пожар запалил я, и квартальный план без угла утверждал я!

– Квартальный план утверждался здесь! – Соловьева сильно шлепнула ладонью по столу, отчего мормолоновые жуки в ее прическе зашевелились. – Вы тоже поднимали руку! Где был ваш дар, ваше яс-но-ви-дение?!

– Он все ясновидел, – угрюмо хохотнул грузный Гобзев. – Все, что ему надо для перхушковской стройки, он проясновидел прекрасно. Теперь там небоскреб. Никаких демонстраций, никакого ОПОНа. Результат, так сказать, ясновидения!

¹ Сорокин В.Г. (2013). Теллурия. Москва: АСТ; CORPUS. С. 207.

– Товарищи, мне подать в отставку? – зло-удивленно спросил Ким. – Или продолжать строить бараки для рабочих? Что мне делать, я не по-ни-маю!»¹

Через показ сцены действия автор наделяет читателя способностью к всеведению, приобщая к своей точке зрения, чего нельзя сделать в любом другом дискурсе:

« – Я могу идти? – спросил Ким.

– Иди, Виктор Михалыч. – Соловьева холодно и устало посмотрела на него. Он резко повернулся и вышел, хлопнув дверью.

– Гнать эту гниду надо из партии, – угрюмо заговорил долго молчавший Муртазов.

– Гнать к чертовой матери! – потрянул массивной головой Гобзев».²

Выводы. Итак, конфликт – это всегда конфликт представлений одного субъекта о другом субъекте, это нарушение личной границы. В зазоре этих представлений о том, каким должен быть другой по представлениям его оппонента и неприятию этого представления, и появляется конфликт.

В отличие от других типов дискурсов – публицистического, блогерского, дискурса социальных сетей – художественный дискурс не так подвижен в моменте, но он более аккумулятивен и стабилен в перспективе. Он долго накапливает примеры конфликтогенов, переосмысляя реальность прошлого и строя реальность новую.

Личность автора здесь приобретает большее значение, так как образцы текстов хранятся дольше и автор имеет больше возможностей влиять на культурное пространство страны (тем более, если он становится классиком русской литературы и начинает изучаться в учебных заведениях). За почти 40 лет творческой деятельности Владимир Сорокин стал влиятельным писателем, которого воспринимают как сотворца новой реальности: сюжеты его книг с пугающим сходством начинают сбываться.

Кроме автора появляется фигура читателя, без которой не произойдет дешифрования литературного текста. За счёт асинхронности литературного произведения читатель может увидеть реалии с большого расстояния. Обращение к художественному тексту обогащает читательский опыт, показывая неожиданные интерпретации современности, развивает и научает, даже если само произведение не создавалось с целью кого-то чему-то обучить. Смыслы вычленяет только любопытный и активный субъект процесса чтения.

Конфликтогены-номинации субъекта – самый распространенный из всех видов конфликтогенов, т.к. они довольно легко распознаются как сигнал нарушения личностных границ оппонента. Остальные конфликтогены примыкают к субъекту: они либо описывают его качество, либо деятельность. Лексика строит упро-

¹ Сорокин В.Г. (2013). Теллурия. Москва: АСТ; CORPUS. С. 79-80.

² Там же. С. 83.

щенный черно-белый мир с четким противопоставлением на «своих» и «чужих», маркируя их через асоциальность, вредность, антогоничность, последний из которых подвергаются дегуманизации: несмотря на простоту и тривиальность этот способ оказывается достаточно действенным в пропаганде до сих пор.

Исследование конфликтных ситуаций и осмысление конфликтогенной лексики дает пищу для размышлений о допустимости использования некоторых слов в речи, аккуратности в выборе их при построении фраз. Помимо этого, исследования различных видов дискурса дает большой огромный языковой материал, в котором можно искать пересечения. Благодаря этому станет возможным отыскать те слова, которые в русской культуре всегда связаны с конфликтом.

Источники

- Барт Р. (1989). Избранные работы. Семиотика. Поэтика. Москва: Прогресс. С. 384-392.
- Бахтин М.М. (1986). Литературно-критические статьи. Москва: Художественная литература. С. 473-501.
- Белозерова А.В. (2016). Языковая репрезентация коммуникативного поведения инициатора конфликта в англоязычном художественном тексте (гендерный аспект): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Иваново.
- Вайс Д. (2007). Сталинистский и национал-социалистический дискурсы пропаганды: сравнение в первом приближении // Политическая лингвистика. № 3(27). С. 34-60.
- Вайс Д. (2008). Паразиты, падаль, мусор. Образ врага в советской пропаганде // Политическая лингвистика. № 1(24). С. 16-22.
- Вайс Д. (2009). Животные в советской пропаганде: вербальные и графические стереотипы (часть 2) // Политическая лингвистика. № 1(27) С. 39-46.
- Гараедаги Дж. (2010). Системное мышление: как управлять хаосом и сложными процессами. Минск: Гревцов Букс.
- Глущенко О.А., Гришанин Н.В., Кириллина Н.В. (2021). Экология коммуникации: факторы токсичности в медийных текстах // Коммуникология. Т. 9. № 4. С. 160-178. DOI: 10.21453/2311-3065-2021-9-4-160-178. EDN EIPXEV.
- Гришина Н.В. (2008). Психология конфликта. 2-е издание. СПб.: Питер.
- Дзялошинский И.М. (2019). Российские СМИ: как создается образ врага. Статьи разных лет. Чебоксары: Среда. С. 162-230.
- Калинин И.А. (2013). Владимир Сорокин: ритуал уничтожения истории // Новое литературное обозрение. № 2 (120). С. 254-269.
- Кара-Мурза Е.С. (2014). Лингвоконфликтология как направление в духе экологии языка // Экология языка и коммуникативная практика (сетевое научное издание). № 2. С. 55-68.
- Карповская Н.В., Абкадырова, И.Р., Давтянц, И.И. (2022). О конфликтном дискурсе, лексических маркерах конфликтогенности и их когнитивно-прагматическом потенциале // Бюллетень гуманитарных исследований в междисциплинарном научном пространстве. № 1(2). С. 14-25.
- Кириллина Н.В. (2017). Символический обмен как системная характеристика коммуникативных практик // Материалы VII международной социологической Грушинской конференции «Навстречу будущему. Прогнозирование в социо-логических исследованиях», Москва, 15–16 марта 2017 года / ред. А.В. Кулешова. Москва: Всероссийский центр изучения общественного мнения. С. 1701-1704. EDN XORNLY.
- Кондаков И.В. (2008). По ту сторону слова. Кризис литературоцентризма в России XX-XXI веков // Вопросы литературы. № 5. С. 5-44.

Кронгауз М.А. (2015). Вырабатываются специальные слова ненависти (интервью Ксении Кнорре-Дмитриевой) // Словарь перемен (сборник статей) / сост. М. Вишневецкая. М.: Три квадрата.

Куликова В.А. (2020). Словообразовательные средства выражения негативной оценки (на материале новообразований в заголовках электронных СМИ XXI в.): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Нижний Новгород.

Липовецкий М.Н. (2013). Сорокин-троп: карнализация // Новое литературное обозрение. № 2 (120). С. 225-242.

Макаренко Г.С. (2018). Конфликтный текст как объект лингвистического исследования: структурно-семантический и прагматический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа.

Питолин Д.В. (2014). Метафорическое моделирование концептуальной диады «Свой чужой» в романе В. Сорокина «Теллурия» // Политическая лингвистика. № 2(48). С. 251-253.

Степанов А.Д. (2014). Созидание через разрушение: русская литература 2000-х годов // Современные проблемы науки и образования (электронный журнал). № 6 [эл. ресурс]: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=16852>.

Хроменков П.Н. (2014). Конфlikтообразующие темы в сакральных текстах // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. № 3(7). С. 7-15.

Хроменков П.Н. (2016). Лингвопрагматика конфликта (исследование методом количественного анализа): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва.

Шарков Ф., Кириллина Н. (2022). Конвергируемость реальных и виртуальных сообществ в цифровом пространстве: социологический обзор // Социологическое обозрение. Т. 21. № 3. С. 229-249. DOI: 10.17323/1728-192x-2022-3-229-249. EDN UMBUAS.

Sharkov F.I., Silkin V.V., Abramova I.E., Kirillina N.V. (2018). Violation of information ecology in media space. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 18. No. 4. P. 765-775. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-765-775. EDN YNAKGD.

■ ■ ■ The specificity of conflict triggers in fine literature discourse (based on Telluria novel by Vladimir Sorokin)¹

Polovinkina O.S.

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

Abstract. Russian culture has always been literary-centric. The appeal to the literary text as a way of understanding oneself and social reality remains up till now a significant part of the educational process. Social conflicts are reflected in Russian prose. The paper is devoted to the study of the concept of conflict and the specifics of its implementation in the discourse of literature using based on the novel by Vladimir Sorokin "Telluria". We believe that the emergence of a conflict occurs at the point when one of the subjects deprives the other of his subjectivity and begins to impose his point of view. A distinctive feature of conflicts of this kind of discourse is the in communication – author's and reader's. Besides due to achronicity in relation to real time literary texts are more durable and resistant to changing agendas, and are also able to influence reality even after time. Few modern Russian authors describe modern realities. Sorokin is one of the most famous and influential writers of modern Russia,

¹ The study was carried out within the framework of the project of Strategic Academic Leadership Program of the Southern Federal University (Priority 2030).

who is known far beyond its borders. Some of the fantastic nature of Sorokin's plots at a long distance turns out to be quite accurate in diagnosing modernity. The article examines lexical units that can become absolute conflict triggers. All of them relate to the subject, its attribute or activity. In a literary text, neutral words can also generate conflict that is influenced by the context. The study of conflicts in different discourses will allow us to identify common conflict-prone vocabulary characteristic for the Russian cultural field.

Keywords: discourse in literature, conflict-prone vocabulary, hate speech, conflict triggers, conflict in literature, modern Russian prose, Telluria

For citation: Polovinkina O.S. (2023). The specificity of conflict triggers in fine literature discourse (based on Telluria novel by Vladimir Sorokin). *Communicology (Russia)*. Vol. 11. No. 4. P. 82-99. DOI 10.21453/2311-3065-2023-11-4-82-99.

Inf. about the author: Polovinkina Olga Sergeevna – lecturer at Southern Federal University. Address: 344006, Russia, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya st., 105/42. E-mail: opolovinkina@sfsedu.ru. ORCID: 0009-0005-0232-1734.

Received: 11.10.2023. *Accepted:* 01.12.2023.

References

- Bakhtin M.M. (1986). Literary critical articles. Moscow: Fiction. P. 473-501 (In Rus.).
- Barth R. (1989). Selected works. Semiotics. Poetics (transl.). Moscow: Progress. P. 384-392 (In Rus.).
- Belozerova A.V. (2016). Linguistic representation of the communicative behavior of the conflict initiator in an English-language literary text (gender aspect): diss. thesis, philol. Ivanovo (In Rus.).
- Dzyaloshinsky I.M. (2019). Russian media: how the image of the enemy is created. Coll. papers. Cheboksary: Sreda. P. 162-230 (In Rus.).
- Gharaedaghi J. (2010). Systems thinking: how to manage chaos and complex processes (transl.). Minsk: Grevtsov Books (In Rus.).
- Glushchenko O.A., Grishanin N.V., Kirillina N.V. (2021). Ecology of communication: toxicity factors in media texts. *Communicology*. Vol. 9. No. 4. P. 160-178. DOI: 10.21453/2311-3065-2021-9-4-160-178. EDN EIPXEV (In Rus.).
- Grishina N.V. (2008). Psychology of conflict. 2nd ed. SPb.: Peter (In Rus.).
- Kalinin I.A. (2013). Vladimir Sorokin: ritual of destroying history. *New Literary Review*. No. 2 (120). P. 254-269.
- Kara-Murza E.S. (2014). Linguistic conflictology as a direction in the spirit of language ecology. *Ecology of language and communicative practice (online scientific publication)*. No. 2. P. 55-68 (In Rus.).
- Karpovskaya N.V., Abkadyrova, I.R., Davtyants, I.I. (2022). On conflict discourse, lexical markers of conflict potential and their cognitive-pragmatic potential. *Bulletin of Humanitarian Research in the Interdisciplinary Scientific Space*. No. 1(2). P. 14-25 (In Rus.).
- Khromenkov P.N. (2014). Conflict-generating themes in sacred texts. *Scientific notes of the National Society of Applied Linguistics*. No. 3(7). P. 7-15 (In Rus.).
- Khromenkov P.N. (2016). Linguistics and pragmatics of conflict (research using quantitative analysis): diss. thesis philol. Moscow (In Rus.).
- Kirillina N.V. (2017). Symbolic exchange as a systemic characteristic of communicative practices. In: Kuleshova A.V., ed. Materials of the 7th International Sociological Grushin Conference "Towards

the Future. Forecasting in sociological research", Moscow, March 15–16, 2017. Moscow: All-Russian Center for the Study of Public Opinion. P. 1701-1704. EDN XORNYL.

Kondakov I.V. (2008). On the other side of the word. The crisis of literary centrism in Russia of the 20–21st centuries. *Questions of literature*. No. 5. P. 5-44 (In Rus.).

Krongauz M.A. (2015). Special words of hatred are being developed (interview with Ksenia Knorre-Dmitrieva). In: M. Vishnevetskaya, ed. Dictionary of Changes (coll. papers). M.: Tri kvadrata (In Rus.).

Kulikova V.A. (2020). Word-formation means of expressing a negative assessment (based on new formations in the headlines of electronic media of the 21st century): diss. theses philol. Nizhny Novgorod (In Rus.).

Lipovetsky M.N. (2013). Sorokin-trop: carnalization. *New literary review*. No. 2 (120). P. 225-242 (In Rus.).

Makarenko G.S. (2018). Conflict text as an object of linguistic research: structural-semantic and pragmatic aspects: diss. thesis philol. Ufa (In Rus.).

Pitolin D.V. (2014). Metaphorical modeling of the conceptual dyad "Stranger" in V. Sorokin's novel "Telluria". *Political linguistics*. No. 2 (48). P. 251-253 (In Rus.).

Sharkov F., Kirillina N. (2022). Convergence of real and virtual communities in the digital space: a sociological review. *Russian Sociological Review*. Vol. 21. No. 3. P. 229-249. DOI: 10.17323/1728-192x-2022-3-229-249. EDN UMBUAS (In Rus.).

Sharkov F.I., Silkin V.V., Abramova I.E., Kirillina N.V. (2018). Violation of information ecology in media space. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 18. No. 4. P. 765-775. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-765-775. EDN YNAKGD.

Stepanov A.D. (2014). Creation through destruction: Russian literature of the 2000s. *Modern problems of science and education (electronic journal)*. No. 6: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=16852> (In Rus.).

Weiss D. (2007). Stalinist and National Socialist propaganda discourses: a first approximation comparison. *Political linguistics*. No. 3 (27). P. 34-60 (In Rus.).

Weiss D. (2008). Parasites, carrion, garbage. The image of the enemy in Soviet propaganda. *Political linguistics*. No. 1 (24). P. 16-22 (In Rus.).

Weiss D. (2009). Animals in Soviet propaganda: verbal and graphic stereotypes (part 2). *Political linguistics*. No. 1 (27). P. 39-46.